Валдай | Международный Дискуссионный клуб

VII ЗАСЕДАНИЕ

РОССИЯ: ИСТОРИЯ И БУДУЩЕЕ РАЗВИТИЕ

1 – 7 сентября 2010 г.
теплоход «Кронштадт»
Санкт-Петербург — Кижи — Свирьстрой — Санкт-Петербург

ПРОГРАММА

1 сентября, среда

09:30-10:00 Открытие VII заседания. Вводное слово постоянного председателя МДК «Валдай» С.Караганова: Постановка проблемы и правила игры.

10:00-12:15 Сессия I. **Корни тенденции к концентрации власти в России: внешние угрозы и внутреннее развитие, климат, территория, многонациональность, многокультурность и необходимость сильного центра**

Иностранный сопредседатель: А.Стэнт

Российские докладчики: Л.Белоусов, А.Архангельский

Иностранные докладчики: Р.Пайпс, Д.Ливен

12:15-13:00 Лекция профессора А.Разумова **«Места, по которым мы идем»**

14:30-17:00 Сессия II. **Русский опыт модернизации и нынешняя попытка рывка вперёд**

Иностранный сопредседатель: Шэн Шилян

Российские докладчики: С.Алексашенко, В.Иноземцев

Иностранные докладчики: Р.Легвольд, П.Дуткевич

20:30-21:30 Лекция Эллен Каррер д'Анкосс **«Россия в Европе и вне её»**. Представление книги «Русская беда. Эссе о политическом убийстве». Ведущий — С.Мироненко

2 сентября, четверг

08:00-11:00	**Обзорная пешеходная экскурсия по острову, посещение музея деревянного зодчества**
11:30-14:00	Сессия III. **Россия и её соседи: оптимальная и реальная модели взаимодействия (Украина, Польша, Грузия и др.)** Иностранный сопредседатель: А.Рар Российские докладчики: А.Миллер, В.Никонов Иностранные докладчики: Дж.Хоскинг, А.Михник
15:30-17:30	Сессия IV. **Россия в Европе и Азии. Новый контекст геополитической ориентации: «Вперед в Азию!» или «Назад к «Союзу Европы»?** Иностранный сопредседатель: Т.Гати Российские докладчики: В.Наумкин, Ф.Лукьянов Иностранные докладчики: Шэн Шилян, Т.Гомар
20:30-21:30	Лекция профессора А.Зубова **«Россия: Продолжение истории?»**. Представление книги «История России: XX век». Ведущий — Р.Пайпс

3 сентября, пятница

09:30-12:30	**Экскурсия в Свято-Троицкий Александра Свирского мужской монастырь.**
13:00-14:00	Обед
14:15-16:00	Сессия V. **Россия в мире: может ли она стать такой, какой ее хочет видеть мир? Какой она хочет видеть себя?** Иностранный сопредседатель: Л.Миллер Российские докладчики: К.Рогов, Д.Суслов Иностранные докладчики: Ч.Грант, Т.Колтон
16:00-18:00	Представление доклада "***Союз Европы***" (С.Караганов, Т.Бордачев)
20:30-22:30	Торжественный ужин. Свободная дискуссия: «Куда плыть ‘Валдайскому клубу’?» Ведущий — С.Караганов

4 сентября, суббота

11:00	Прибытие в Санкт-Петербург

СЕССИЯ 1. КОРНИ ТЕНДЕНЦИИ К КОНЦЕНТРАЦИИ ВЛАСТИ В РОССИИ: ВНЕШНЯЯ УГРОЗА И ВНУТРЕННЕЕ РАЗВИТИЕ, КЛИМАТ И ТЕРРИТОРИЯ, МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ И МНОГОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ И НЕОБХОДИМОСТЬ СИЛЬНОГО ЦЕНТРА

В последние годы в российском обществе идет напряженная дискуссия о том, насколько история России и ее дальнейшая судьба детерминированы не зависящими от воли россиян факторами – климатом и огромными размерами страны, многонациональным составом народа, не всегда дружественными отношениями с соседями на западе и на юге и т.д. Почти единогласно признается, что история России имела и имеет во многом трагический характер, российской политической системе свойственен авторитаризм. Представители разных политических сил и научных школ дают разные ответы на главный вопрос – является ли авторитаризм и принудительный коллективизм с соответствующей внешней политикой результатом неудачного выбора или они предопределены самой судьбой России, ее сложным климатическим, социальным и геополитическим положением? Именно это мы хотим обсудить на сегодняшней сессии и приводим в помощь дискутантам наиболее характерные высказывания на эту тему – со стороны самых различных политических сил, экспертных сообществ и слоев общества.

У нас приоритет общественных, коллективных интересов перед частно-эгоистическими. Мы считаем, что если возобладает частно-эгоистический интерес, от планеты скоро ничего не останется – ее просто сожрут, ее и так замучили, она начинает за это мстить. С другой стороны: мы – за коллективистские формы бытия. Они присущи русскому и другим народам, которые здесь проживают. В одиночку на этих просторах невозможно справиться ни с супостатами, которые на нас шли со всех сторон, ни с огромными трудностями. Мы не можем в одиночку выжить в силу того, что две трети территории страны расположены в холодном климате, это – зона вечной мерзлоты.
(Из интервью лидера Коммунистической партии Российской Федерации Геннадия Зюганова радиостанции «Эхо Москвы»)

Проблема не в географии, а в людях. Американские фермеры на Аляске живут в таких же климатических условиях, как россияне в Сибири, но ведут себя почему-то по-другому. Централизованная система удобна, потому что она потакает человеческим грехам: раба она избавляет от необходимости думать и принимать решения, а властителя – от контроля со стороны общества.
Юрий Черниченко (1929–2010), русский писатель и публицист.

У русского социума есть некоторые особенности существования: короткий рабочий сезон в земледелии, вызванный экстремальными погодными усло-

виями, низкая урожайность, вызванная недостатком или труднодоступностью плодородных почв, распространенность болот и труднопроходимых лесов – все эти обстоятельства вели к низкой плотности населения в ряде регионов страны. Обретенные зоны с более благоприятным климатом (Крым, Кавказ, Средняя Азия) требовали больших финансовых вливаний, постоянно возникали сложности с развитием транспорта и средств связи. Освоение северных земель требовало больших энергетических затрат. Все это предопределило особую роль государства в развитии страны. Государство и до революции 1917 года, и после нее было вынуждено осуществлять «опеку» над сложившимся при его участии промышленным комплексом, содействовать его технологическому развитию, противодействовать всякому «оскудению» в аграрной и индустриальной сферах экономики. Отказ государства от этой роли в 1990-е годы привел к масштабному уничтожению материальной основы промышленности и сельского хозяйства.
(По материалам учебника «История России XX – начала XXI века» под редакцией Л.В.Милова, МГУ).

Вопросы к обсуждению:

1.1 Какие факторы определяют необходимость сильной централизации власти в России (внешние угрозы, климат, территория, патерналистские настроения народа)? Сохраняют ли они свою актуальность?

Великорусское племя собралось в Окско-Волжском междуречье, именно область Оки и Верхней Волги стала жизненным народным узлом. Сюда передвигалась масса русского расселения из Днепровского бассейна, в этом окско-волжском междуречье образовался центр расселения, своеобразный сборный пункт переселенческого движения с юго-запада… Постепенно выделялся военно-служилый люд, который служил степным сторожем земли, рассаживаясь оборонительной изгородью по острогам северной степной полосы, по мере того, как ее отвоевывали у татар… Переселенцы из Киевской Руси, поглотив туземцев-финнов, образовали здесь плотную массу, зерно великорусского племени… Потом завязался и политический узел. Государственная сила, основавшись в области истоков главных рек равнины, естественно стремилась расширить сферу своего владычества до их устьев, по направлению главных речных бассейнов двигая и население, необходимое для их защиты… Река воспитывала дух предприимчивости, привычку к совместному действию, заставляла размышлять и изловчаться, сближала разбросанные части населения, приучала чувствовать себя членом общества, обращаться с чужими людьми, наблюдать их нравы и интересы, меняться товаром и опытом…
Так и расширялась территория России впоследствии – волей государственной власти и силами переселенцев, вступавших в контакт все с новыми народами.
Василий Ключевский, «Русская история. Полный курс лекций в трех книгах»

На Востоке, который со времен Золотой Орды оказывал на Россию большое влияние, государство «защищало» общество, превратив его в свою часть, а точнее – просто не дав ему развиться, накрыв, зажав, придавив его своим панцирем. Во многом это было связано с необходимостью выживания – иначе на Востоке прожить было нельзя. А рядом, в Европе, где вопрос о физическом выживании этносов все-таки не стоял, сложилась уникальная ситуация. Развитие общества стало обгонять развитие государства. Возникла элита (в том числе наследственная), ощущавшая свою независимость от государства, бывшая фундаментальной частью социальной системы, а не шестеренкой государственной машины. На Востоке сильное, жесткое государство теоретически дает гарантию защиты прав собственности, защиты от других государств, от феодалов и т.д. Но платить за это приходится непомерно большую цену, ведь государство слишком сильный защитник. И оно не защищает собственника от самого страшного врага , наиболее могущественного, всепроникающего,- от самого государства.
Егор Гайдар, «Государство и эволюция»

1.2. Есть ли сейчас традиционные внешние угрозы, на которые надо реагировать – в оборонительном или наступательном вариантах? Является ли Китай угрозой? Почему до сих пор считают угрозой расширение НАТО? Страдает ли Россия от сверхмилитаристского восприятия внешних угроз?

Несмотря на то, что Москва не тратит на оборону столь значительную часть национального дохода, как в советское время, она остается привязанной к старому видению проблем безопасности. В отличие от своих европейских коллег, российские руководители по-прежнему видят в центре проблем безопасности соотношение вооруженных сил и военных потенциалов. Таким образом, выдвинутые в 2008 году предложения России по «улучшению» климата безопасности в Европе сводятся в основном к безопасности в самом жестком военном смысле этого слова (hard security).
Isabelle Facon, "Russie. Les chemins de la puissance," 2010, Paris. (Исабель Факон, «Россия. Пути державы», 2010 год, Париж)

Угроза китайской миграционной экспансии в России – это фантом. Если бы слухи о переселении миллионов китайцев в Россию были правдой, то, учитывая, что все население российского Дальнего Востока составляет около 10 млн. человек, каждый третий прохожий на улице Владивостока или Хабаровска был бы китайцем. Но все посещавшие эти города люди знают, что это не так.
Виля Гельбрас, старейший синолог России, профессор Института стран Азии и Африки МГУ.

В любом альянсе между Россией и Китаем Россия будет младшим партнером, а это не устраивает Москву. Поэтому называть Китай союзником России нельзя. Для улучшения наших отношений с Китаем нужно улучшить отношения России с США. Сейчас США, страшась сближения Москвы и Пекина, настраивают наши страны друг против друга, подчеркивая «угрозу»

китайской миграции в России и напоминая Китаю о нанесенных еще царской Россией «обидах».
Евгений Бажанов, проректор Дипломатической Академии МИД России.

Как только Москва осознала, что ей в одиночку придется противостоять растущей нестабильности в Центральной Азии, особенно после захвата власти движением Талибан в Афганистане в середине 90-х годов, она постаралась разделить бремя поддержания безопасности в этом регионе с Китаем. Именно этот момент и был первопричиной создания Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), а поддержание безопасности является основной функцией этой организации…
Риторические высказывания российских руководителей об исходящей от НАТО угрозе привлекли внимание западных наблюдателей и разбудили в США и Центральной Европе алармистские настроения. На самом же деле российская политика безопасности давно уже сместилась в сторону обеспечения внутренней безопасности, в первую очередь – спасения территориальной целостности от «внутренней угрозы».
Isabelle Facon, "Russie. Les chemins de la puissance," 2010, Paris. (Исабель Факон, «Россия. Пути державы», 2010 год, Париж)

1.3. Можно ли сравнивать нынешнюю Россию с Россией традиционной – крестьянской с узким европеизированным элитным слоем и интеллигенцией, которая раз за разом разваливает власть?

Вся проблема преподавания отечественной истории в том, что после 1917 года страна оказалась разорванной во времени. Существует как бы две России: дооктябрьская и послеоктябрьская. Мы находимся в полосе идентификационного кризиса, утрачена наша идентичность: кто мы, какие мы, куда мы идем. Восстановить ее можно, воссоединив разрыв, прежде всего в нашем сознании, продолжив логику развития страны, утраченную в XX веке.
Игорь Чубайс, философ, глава Центра изучения России при Российском университете дружбы народов (РУДН)

Уже в конце тридцатых годов, а особенно во время Отечественной войны с нацистской Германией на лице большевистского робота проступили забытые было родные черты. Россия никогда не переставала быть самой собой, черты характера и ценности народа – явления очень инерционные, они не меняются ни по первому приказу власти, принимая лишь видоизмененные формы.
Петр Бицилли (1879–1953), русский историк и литературный критик, с 1920 года в эмиграции.

1.4. Почему россияне не хотят демократии: устали, надломившись от коммунизма и последовавшей революции и хаоса 1990-х? Или россияне хотят демократии, а им просто не дает правящая элита?

Россия в девяностые и нулевые годы не полюбила свободу, она от нее отвернулась, отказалась по всем показателям. И не надо говорить, что от свобо-

ды, от демократии отвернулись из-за безденежья. Появилось много богатых, но они вели себя еще хуже бедных – богатые проявили полное равнодушие к общественным делам и даже к собственной политической свободе. Это в 70-е годы не было ни свободы, ни богатства – пылесос был чудом техники. А в 90-е годы оказалось, что россияне могут ездить на «мерседесах», говорить по мобильным телефонам и иметь все элементы западного образа жизни, а вот пойти на выборы они не могут. Это – последствия скотства, без которого нельзя было выжить почти весь период советской истории. Неучастие ни в чем «порочащем», невмешательство ни во что «конфликтное» - без этого нельзя было выжить. Я сам внук расстрелянного за «антисоветскую агитацию» и знаю, какой это был чудовищный социальный опыт.
Игорь Яркевич, писатель в стиле «панк»

Свободу нам обещали много раз, обещают ее и большевики. Великое благо – свобода, если она правильно понимается, как свобода от зла, не стесняющая других, не переходящая в произвол и своеволие. Но такой-то свободы вы и не дали: во всяческом потворстве низменным страстям толпы, в безнаказанности убийств и грабежей заключается дарованная вами свобода. Все проявления как истинной гражданской, так и высшей духовной свободы человечества подавлены вами беспощадно. Это ли свобода, когда никто без особого разрешения не может провезти себе пропитание, нанять квартиру, переехать из города в город?
Из письма Святейшего патриарха Тихона Совету Народных Комиссаров (Совнаркому), 26 октября 1918 года.

Постройка вертикали власти первоначально планировалась под узко-прагаматическую задачу – сохранение единства страны, улучшение качества управления в 1999–2000 гг. Задача была – сохранить единство страны. Напомню, что в течение всего предыдущего десятилетия опасность распада России оценивалась как реальная и на Западе, и внутри России. Но вскоре под предлогом решения этой узко-прагаматической задачи стали ущемлять права и свободы – личные и коллективные. Я не считаю разумной существующую практику, когда протестные собрания должны получать разрешение властей, хотя принцип уведомления был принят за основу еще в начале девяностых. Я думаю, что мы к этой свободе еще вернемся.
Но нельзя во всем обвинять только власть. Гражданское общество – это не только создание каких-то формальных институтов, это еще и особое внутреннее состояние человека. Нельзя построить гражданское общество, имея в качестве большинства граждан или холуйски настроенных исполнителей, или хамоватых начальников. К сожалению, холуев и хамов много и во власти, и в оппозиции. Мне трудно представить себе гражданское общество, которое построил бы Гарри Каспаров. Я не понимаю, как бы он его построил со своей жесткостью и нетолерантностью к любым возражениям. Тоталитарные установки есть и внутри власти, и внутри оппозиции.
Из интервью Юрия Солонина, члена Совета Федерации России, декана философского факультета Санкт-Петербургского университета.

СЕССИЯ 2. РУССКИЙ ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИИ И НЫНЕШНЯЯ ОЧЕРЕДНАЯ ПОПЫТКА РЫВКА ВПЕРЕД

2.1. Опыт прошлых модернизационных рывков: Алексей Михайлович, Петр Великий, Екатерина Вторая, Александр Второй, Ленин, Сталин, Горбачев, Ельцин

«Не следует думать, что нынешняя попытка модернизировать Россию «сверху» уникальна. На самом деле весь девятнадцатый век в России прошел под знаком энергичной консервативной стратегии. Общим знаменателем всех царствований этого периода, включая царствование Александра Второго, был курс на сохранение социальной и политической стабильности российской государственности методом преобразований «сверху».
С позиции политической науки, и реформы Александра Второго («царя-освободителя»), и «самовластье» Николая Первого, и помпезный имперский стиль Александра Третьего с его контрреформами различались лишь тактикой – ставкой на различные методы консервативной стабилизации. Эти методы включали в себя и либеральные реформы. В этом смысле борьба между тогдашними «левыми» и тогдашними «правыми», между «партией порядка» и «партией прогресса» была не столько политической полемикой, сколько поиском оптимальных способов реагирования в рамках широко понимаемого консервативного мышления.
Татьяна Филиппова, заместитель главного редактора исторического журнала «Родина»

Попытка модернизации «снизу» в России была одна – она началась в феврале 1917 года. Свергшая царя коалиция самых разных политических сил распустила царскую жандармерию, уволила царских губернаторов – и стала дожидаться, когда народ сам определит для себя нужную ему форму выборов, вид и образ новой «милиции» и т.д. Народ определил, как мог, остановив свой выбор на экстремистской партии с самой простой и популистской программой. Не дай Бог пережить еще одну такую модернизацию снизу.
Вячеслав Никонов, глава фонда «Русский мир», из выступления на презентации доклада к годовщине Февральской революции 1917 года.

Неправильно представлять общество сталинского СССР как толпу дегенератов, аморальных монстров и безвинных жертв, хотя именно такой образ той эпохи сейчас создается на Западе. Такого общества никогда не существовало ни в одной стране, не было его и в России. Правда, однако, в том, что, несмотря на все усилия Сталина и жертвы, которые он потребовал от населения ради своей модернизации, Советский Союз так и не стал стабильным и эффективным государством. Когда открылись архивы в конце восьмидесятых годов, не слишком добросовестные историки просто переписывали самые «сочные» эпизоды о расстрелах и лагерях, не заботясь о том, чтобы поместить эти документы в контекст и прежде открытых архивных бумаг, ни-

когда не бывших секретными, но тоже отражавших быт эпохи. Так вот, если эти бумаги совместить, можно увидеть, например, что Сталину, несмотря на чрезвычайные полномочия для городского руководства Сочи, несмотря на посадки и расстрелы, так и не удалось в тридцатые годы наладить нормальную работу сочинских грязевых ванн.
Юрий Борисенок, главный редактор журнала «Родина»

После Сталина советское руководство продолжило начатую им модернизацию, но теперь оно принимало решения в «волейбольном стиле». В волейболе, как известно, допускается только три удара – потом мяч нужно перебросить на чужую сторону. Это были уже не шахматы. Как развивается любая цивилизация? Есть вызов – есть ответ. У Хрущева ответы состояли в немедленных действиях. Например, когда рухнул ГУЛАГ (а при Сталине 10 процентов экономики держалось на принудительном труде), Хрущев придумал ответить на этот вызов освоением целинных земель. При этом он использовал мобилизационный ресурс тоталитарного государства: чтобы быстро получить урожай, в освоение целины были брошены огромные средства, мобилизовано огромное количество людей. Нужно признать, что ответы раннего советского государства на вызовы времени были динамичными. Я плохо себе представляю ответы не динамичные – тогда их просто нет, наступает застой и кризис. Так вот, при Брежневе и Горбачеве ответы на вызовы времени были не динамичные, а пропагандистские, словесные. Во многом эта кризисная тенденция продолжается и теперь.
Владимир Козлов, автор книги «Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе».

2.2. Роль в прошлых циклах модернизации внешних факторов: угроз, поражений (Крымская война)

Крымская война стала одной из немногих войн девятнадцатого века, которые Россия проиграла «вчистую»: российское государство потеряло превалирующее положение на Черном море и возможность влиять на ситуацию в Восточной Европе. Причиной поражения стала переоценка себя и недооценка противника. Оценивая перспективу очередной войны с Турцией, российский император Николай Первый полностью исключал возможность вмешательства в конфликт великих держав. Он спокойно сбрасывал со счетов Англию: во-первых, страна не имела большой сухопутной армии, а во-вторых, Николай был в хороших личных отношениях с английской королевой Викторией. Франция, как полагал Николай Павлович, ослабленная революцией 1848 года, не могла воевать. В действительности Англия и Франция, давно стремившиеся ослабить Турцию и Россию, усердно подталкивали будущих соперников к войне.
«Краткий энциклопедический словарь по отечественной истории», Москва, 2004 год

«Что французы и англичане могут нам сделать?.. Самое большее – сжечь Кронштадт или Виндау (ныне Вентспилс). Разве забыли, с чем пришел и с чем ушел Наполеон? Могут ли грозить нам разорением торговли? – но за

то и они потеряют. В Черном море и того смешнее. Положим, они явятся под Одессу, сожгут ее. Явятся под Севастополь – положим, что истребят его. Но куда они денутся, ежели в 29 дней марша войска наши займут Босфор и Дарданеллы!»
Из дневников императора Николая Первого накануне Крымской войны

Прогнав Наполеона, русская армия подарила России еще 50 лет крепостного рабства. От этого рабства Россию избавило только поражение в Крымской войне.
Гавриил Попов, бывший мэр Москвы, из выступления на радио «Свобода»

Для России Крымская война закончилась позорным миром, но не позорным поражением. Боевые потери русских и союзников под Севастополем были вполне сопоставимы – 102 тысячи у русских и более 90 тысяч у союзников. На Кавказе удалось взять турецкую крепость Карс с 16-тысячным гарнизоном во главе с английским генералом. Военные же угрозы не ускоряли, а тормозили процесс отмены в России крепостного права, который Николай Первый считал приоритетом своей внутренней политики, хотя он и вел этот процесс тайно, запрещая любые упоминания о разработке реформ в печати. Начальник штаба корпуса жандармов Тимашев в своих воспоминаниях подчеркивал, что только польский мятеж 1830 года помешал обнародованию уже готового манифеста Николая Первого по этому вопросу. В 1855 году, за месяц до кончины, Николай Павлович в беседе говорил, что не желал бы умереть, не завершив освобождения, но не допустит «увольнения» крестьян без земли. По его мнению, это привело бы к пауперизации большей части населения.
Леонид Выскочков, автор биографии Николая Первого в серии «Жизнь замечательных людей»

2.3. Существовал ли когда-то в России инновационный потенциал или она всегда догоняла Запад?

Когда Петр Великий, имея дело с более развитыми странами Запада, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости. Вполне понятно, однако, что ни один из старых классов – ни феодальная аристократия, ни буржуазия – не мог решить задачу ликвидации отсталости нашей страны… Вековую отсталость нашей страны можно ликвидировать лишь на базе успешного социалистического строительства».
Ленин, Избранные произведения в одном томе, 1936 год издания.

«Дореволюционные военные историки и часть наших военных историков считали, что только после реформ Петра Первого в России появилась армия, качественно не уступающая армиям государств Западной Европы. Якобы только Петр, заимствуя более или менее творчески военное искусство Западной Европы, создал в России полноценные вооруженные силы. Эти утверждения не соответствуют действительности и являются непосредственным результатом преклонения русских дворянских и буржуазных исто-

риков перед западноевропейскими военными «авторитетами». Если стать на точку зрения этих историков, становится непонятным, как русский народ, окруженный со всех сторон сильными врагами, смог отстоять свою национальную независимость.
Из военного учебника, подготовленного в 1952 году гвардии полковником Евгением Порфирьевым по санкции Сталина в 1952 году.

Понятие «догоняющая» не относится к русской культуре. Европейская культура, особенно с конца XIX и в течение всего XX века, испытывает мощнейшее и плодотворное влияние великой и самобытной русской литературы, театра, музыки, живописи и т.д. Вероятно, одной из сильных сторон русской культуры как раз и является содержащийся в ней западно-восточный дуализм, внутренний диалог культур. Для культуры внутренняя оппозиция «восток-запад» оказывается важной чертой, расширяющей пространство культуры, дающей новые обертоны. И совсем другое дело -- политика и экономика, формы государственного устройства и хозяйственной деятельности. Здесь Россия безусловно веками находилась в положении «догоняющей цивилизации».
Егор Гайдар, «Государство и эволюция».

В России революционеры всегда трубят об отставании, а консерваторы – о якобы совершенстве достигнутых страной успехов. Революционер Ленин кричал об отставании и громил русских шовинистов, контрреволюционер Сталин говорил, что наш человек всегда на голову выше американского, и громил космополитов. Если России характерно отставание, то давайте задумаемся: это отставание – от кого? От лучших из лучших? Извините, они потому и лучшие, что от них отстают все. А завтра эти лучшие из лучших могут оказаться в хвосте. Россия много лет четко идет в середине мирового цивилизационного «забега». Россия – нормальная страна, не лучше и не хуже других. Надо признать это и успокоиться.
Леонид Решин, военный историк

2.4. Какая модернизация эффективней для России: демократическая или авторитарная? Возможна ли авторитарная модернизация сейчас и каковы могут быть ее пределы и ограничения? Возможна ли модернизация без демократизации?

При Александре Втором главный инициатор либеральной реформы в армии – военный министр Дмитрий Милютин – выразил общее кредо тогдашней «команды реформаторов»: «Реформа у нас может быть проведена только властью». С этим многие согласны и сейчас, но вот вопрос – как вовлечь в процесс реформ общество? Во второй половине девятнадцатого века власть настойчиво искала адекватное ситуации поведение в условиях, когда в обществе менялась его основа — система ценностей. Харизма самодержавия, его абсолютная нравственная и правовая легитимность под воздействием европейского политического опыта переставали казаться столь уж бесспорными. Новые же идейные харизмы менее патерналистского свой-

ства — «правовое государство», «общее благо», «национальная идея» — не обрели пока стройности системы и были слишком далеки от российской реальности. Поэтому общественно-политический спор шёл не только вокруг принципов обновления легитимности, но и в сфере обращения к хорошо забытым старым традициям (новгородское вече, сословное представительство Земских соборов, опора на «земщину» и «власть лучших»).
Получался интересный симбиоз: ускоренная индустриализация, беспрецедентное железнодорожное строительство сопровождались торжеством «старомосковского стиля» в искусстве, архитектуре, повседневной моде, даже в чем-то и в политике.
Татьяна Филиппова, заместитель главного редактора исторического журнала «Родина»

2.5. Каковы главные препятствия? Коррупция? Пассивность народа? Слишком сильное государство? Неэффективное государство?

Парадокс истории состоял в том, что Россия заплатила дорогой ценой не столько за татаро-монгольское иго, сколько за его ликвидацию. Именно сверхусилия, связанные с ликвидацией ига, надолго перевели стрелку русской истории на «восточный путь». У России не оказалось исторического времени, позволяющего превратить куколку раздробленного феодального государства в красивую бабочку. Государства, опирающегося на частную собственность, систему рынков и рожденную ими экономическую мощь, создать не удалось. Борьба со Степью потребовала предельной мобилизации всех сил общества. При Иване III, Василии III и Иване IV, т.е. когда решающие победы над Ордой были одержаны, происходит резкое укрепление Московского государства за счет подавления городов и бояр. Вместо приватизации поместий -- закрепление условного, поместного землевладения. Государство тщательно контролирует перераспределение земли. Москва расправилась с Новгородом, где со времен Ярослава Мудрого неугодные князья изгонялись вечевым решением, где ганзейская торговля и сам дух жизни позволяли во времена татарщины развиваться экономически и вырабатывать критическое отношение к устоявшимся традициям; влиятельных горожан высылали, их дворы отдавали московским людям. Одновременно шло прикрепление крестьян к земле (отмена Юрьева дня, указ Бориса Годунова). Церковь потеряла независимость, стала вконец послушна государственной машине.
Егор Гайдар, «Государство и эволюция»

В России существует старая традиция – возводить поклеп на Монгольскую империю, ставшую в свое время единственным многонациональным государством на просторах Евразии, а также на ее преемников – Золотую Орду, Казанское ханство. На самом деле для своего времени эти государства не были отсталыми, они связывали вместе торговыми и политическими связями огромные просторы, формировали своеобразный евразийский космос, влияние которого мы чувствуем до сих пор, словно свет потухшей звезды.
Павел Загородский, польский историк, автор книги «Татары»

2.6. Хочет ли модернизации Россия, ее народ? Если пока нет, когда захочет?

2.7. Возможна ли модернизация России за счет внешних сил?

2.8. Если модернизация задержится, каковы варианты развития? Назад в прошлое? Или есть другие пути модернизации, кроме заявленного?

СЕССИЯ 3. РОССИЯ И ЕЕ СОСЕДИ: ОПТИМАЛЬНАЯ И РЕАЛЬНАЯ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ. УКРАИНА, ПОЛЬША, ГРУЗИЯ И Т.Д. – БРАТСКИЕ НАРОДЫ, ДОБРЫЕ СОСЕДИ ИЛИ ЖЕРТВЫ ЭКСПАНСИИ?

3.1. Традиционная Россия – континентальная или колониальная империя?

Россия сохраняет свой статус первой в мире по территории державы, хотя этот территориальный размах заметно уменьшился – вместо 22 миллионов квадратных километров, на которых помещался Советский Союз, у Российской Федерации осталось «всего» 17 миллионов. Население тоже упало – с 250 млн. человек до 142 миллионов… Сегодня многие российские и иностранные комментаторы сходятся во мнении, что одним из главных препятствий на пути к модернизации и демократизации политической, экономической и социальной жизни России стал именно ее размер. Тот факт, что территории эти были приобретены разными путями с разрывом в века, стал для россиян одним из самых сложных моментов в консолидации их национальной идентичности и в выработке четкой стратегии в отношении внешнего мира.
Isabelle Facon, "Russie. Les chemins de la puissance," 2010, Paris. (Исабель Факон, «Россия. Пути державы», 2010 год, Париж)

Отличие Российской империи, а потом и Советского Союза от западных империй было в том, что в нашей империи ресурсы выкачивались преимущественно не из «колоний», а из «метрополии». Именно за счет русской деревни и маленьких городков осуществлялись модернизационные «рывки», плодами которых пользовалась вся страна. При Советском Союзе исчезла не очень-то использовавшаяся и в России практика, когда население колоний находилось в услужении у приезжих русских. Угнетение и подавление меньшинств были нехарактерными явлениями, наоборот, шел процесс культурного обмена: например, русские в девятнадцатом веке учили казахов и туркменов сеять хлеб, а среднеазиатские народы научили русских переселенцев возделывать новую для них культуру - рис.
Фархад Мехтиев, азербайджанский политолог.

3.2. Зачем была нужна территориальная экспансия?

Так называемые внешние агрессии России все объясняются элементарными соображениями безопасности. Даже пресловутые разделы Польши в конце восемнадцатого века невозможно понять, не зная предыдущую историю. Польша в течение столетий, особенно при династии Ягеллонов, осуществляла экспансионистскую политику в отношении восточных славян. Раздел Польши был едва ли не единственным методом прекратить эту политику.
Наталья Нарочницкая, депутат Госдумы РФ.

Все мы встречаем перед собой одно и то же огромное препятствие, мешающее развитию всех наций вообще и каждой нации в отдельности… Это препятствие – Священный Союз, заключенный в 1815 году, союз трех убийц Польши, превративший Германию в раба царизма, а царя – в арбитра Европы. Этот союз используется для того, чтобы подавлять революционный дух, национальные стремления и социальные движения трудящихся классов.
Фридрих Энгельс, письмо Иоанну Надежде, 1888 год

Пресловутая доктрина Брежнева объяснялась не столько страхом перед утратой «зоны безопасности» в Европе, сколько опасениями перед внутриполитическими последствиями пражской весны. У советского руководства не было уверенности в прочности лагеря социализма. Не были забыты ни берлинское восстание 1953 года, ни венгерские события 1956 года, ни волнения в Польше. То, что происходило в Чехословакии в 1968 году, встречало отклики в различных кругах советского общества… «Братский лагерь социалистических стран» проецировал происходящее в Чехословакии на свои внутренние дела. В 1968 году реальной стала угроза выхода из Варшавского пакта Румынии. Между тем критика, раздававшаяся в чехословацкой прессе в адрес Варшавского договора, свидетельствовала, что вслед за Румынией может пойти и Чехословакия. Было принято решение действовать.
Рудольф Пихоя, бывший глава Росархива, из книги «Советский Союз: история власти 1945–1990»гг.»

3.3. Нужны ли были Российской империи и СССР среднеазиатские завоевания?

Приобретение Туркестанского края вышло для России делом совершенно случайным и скорее бременем ложилось на Россию, чем приносило пользу. Туркестан даже не колония… он не может быть назван ничем иным, как операционною базою; предмет же действий указан Провидением».
Из записок генерала Скобелева, завоевателя Средней Азии

Прекращение европейской экспансии России освободит благородный русский народ для его великой цивилизаторской миссии в Центральной Азии.
Фридрих Энгельс

Наше поступательное движение… в недра Средней Азии носило на себе отпечаток чего-то стихийного, фатального. Нас влекла туда та неведомая сила,

которую уместно, быть может, назвать роком. Мы шли и пришли сюда случайно, без обдуманного плана , без разработанной программы наших дальнейших действий.
Владимир Наливкин, русский этнограф конца девятнадцатого века

Россия больше не стремится к далеким южным морям, а для геополитического «декорирования» своего присутствия уже не требуется миллионная армия переселенцев - достаточно двух-трех военных баз. Исчезли демографические и экономические причины - маятник качнулся обратно, и следом за русскими потянулись из Средней Азии в Россию уже представители коренных народов - узбекские, таджикские, киргизские трудовые мигранты...
Наконец, исчезли причины культурные. «Европейский», или «колониальный», проект сегодня завершен. У оставшихся потомков русских переселенцев уже нет ни «пассионарности», ни «мессианства» их отцов и дедов, приехавших «осваивать и развивать»; а у коренных народов - того стимула, который прежде заставлял отказываться от работорговли, эмансипировать женщин, внедрять всеобщее образование, строить заводы... Все заметнее разделение на тонкую «европеизированную» прослойку и огромное большинство, погружающееся в доиндустриальный, патриархальный мир, с «пережитками» которого представители вначале Белого, а потом и Красного Царя с такой страстью вели борьбу.
Евгений Абдуллаев, писатель, Ташкент

3.4. Нужен ли был СССР восточноевропейский вассальный буфер?

Когда война на Дальнем Востоке закончилась, Россия обнаружила, что у нее впервые за всю ее историю нет «ни единого сильного соперника на территории всей Евразии» и что под контролем у нее находятся огромные территории за пределами ее границ – при том, что некоторые из этих территорий она никогда ранее не контролировала. Такое масштабное распространение реальной власти наряду с преимуществами порождало и ответственность. Отдельные из территорий, занятых советскими войсками, входили некогда в состав царской империи, однако доказали в свое время, что служат скорее источником слабости, нежели силы. Заметное присутствие представителей национальных меньшинств в революционном движении, которое привело в 1917 году страну к распаду, стало тому свидетельством. Советское государство, которое в первые два десятилетия своего существования было этих земель лишено, стало сильнее, возможно, именно за счет этого обстоятельства. Но теперь оно снова взвалило на свои плечи бремя обладания ими – и даже больше.
Джордж Ф. Кеннан, Мемуары о 1925-1950 годах, Бостон, 1967 г., стр. 247–248.

Когда Советский Союз стал распространять свою социально-экономическую модель на страны Центральной и Восточной Европы, из всех этих стран только ГДР и Чехословакия имели мощную индустрию. Другие страны прошли уже при советском социализме путь индустриализации. В какой-то период эта индустриализация укрепила «социалистические» режимы в этих странах, предоставив определенную социальную мобильность местному сельскому населению.

Советский социализм «по жизни» был нематериалистическим строем, пытавшимся –– и, надо отдать ему должное, долгое время достаточно успешно –– «замещать» экономические стимулы человеческой деятельности неэкономическими, сократив до минимума различия в материальном положении людей. Основой социальной дифференциации должны были стать знания и способности. Тем самым нарушался «вековой уклад», который непосредственно связывал общественное положение человека с имущественным, с его «богатством» как показателем и критерием социального статуса. В преимущественно аграрном, на старте социалистической модернизации, обществе, где гражданские свободы (как и индивидуальная экономическая инициатива) были предельно ограничены, открылась свобода социального достижения. Бывший крестьянин впервые получил реальную, почти неограниченную возможность превращения в рабочего, горожанина, интеллигента.
Наталья Коровицына, Институт славяноведения РАН, по материалам книги «С Россией и без нее»

3.5. Роль территории сейчас – в эпоху глобальных рынков, ядерного оружия?

3.6. Почему Россия легко рассталась с Финляндией, Центральной и Восточной Европой, Прибалтикой, Средней Азией и так трудно – с Украиной, Белоруссией? Может быть, дело в том, что от первых отказались сами, а вторых пытались отобрать?

О Советском Союзе после второй мировой войны:
Как империалистическая держава, Россия в противостоянии с небольшими государствами Восточной Европы обладала внушительной силой. Но были у нее и свои важные слабые места. Объективные трудности существовали в управлении народами с разными языками, традициями и национальным сознанием. Нужны были люди, из которых можно было составить коммунистические органы власти. Будь эти люди русскими, они бы не чувствовали иностранную среду и были бы непригодны для подобной работы; либо же, если бы восприимчивость была им присуща, они вскоре были бы дерусифицированы и утратили бы лояльность. А будь эти люди местными, наблюдался бы дефицит близости в отношениях; националистические чувства неминуемо взяли бы верх; они вышли бы из-под контроля.
Джордж Ф. Кеннан, Мемуары о 1925-1950 годах, Бостон, 1967 г., стр. 247–248.

Неужели Россия обеднилась от отделения Польши и Финляндии? Да только распрямилась. И так – еще больше распрямимся от давящего груза «среднеазиатского подбрюшья», столь же необдуманно завоевания Александра Второго – лучше б эти силы потратил он на недостроенное здание собственных реформ, на рождение подлинно народного земства…
Но отделять Украину сегодня – это значит резать через миллионы семей и людей: какая перемесь населения; целые области с русским перевесом;

сколько людей, затрудняющихся себе выбрать национальность из двух: сколькие – смешанного происхождения; сколько смешанных браков – да их никто смешанными до сих пор не считал. В толще основного населения нет и тени нетерпимости между украинцами и русскими. Братья! Не надо этого раздела! – это помрачение коммунистических лет. Мы вместе перестрадали советское время, вместе попали в этот котлован – вместе и выберемся… Необходимо ничем не стесненное развитие параллельных культур , и школьные классы на обоих языках, по выбору родителей.
Александр Солженицын, «Как нам обустроить Россию», 1990 год.

3.7. Возможна ли Россия, отделенная от Украины (НАТО, ЕС) или Украина, отделенная от России? В чем смысл сделки газ – Черноморский флот? Союзного государства Россия – Беларусь? Таможенного Союза Россия – Казахстан – Белоруссия? Возрождение имперского государства? Или политика совместного выживания в остро конкурентном мире?

С поляками мы можем искать взаимопонимание на базе христианства. С россиянами мы такого взаимопонимания искать не можем. Россияне отвергают такой подход, хотя формально причисляют себя к православным. На самом деле их идентичность имеет больше общего с КГБ. Половина России была репрессирована, но российская власть не хочет об этом вспоминать. Как эта власть может разговаривать с соседями, если она не может уважительно разговаривать с собственным народом?.. Россию может чему-то научить только тотальное поражение. Для Кремля Украина – проблема номер один, поскольку речь идет не о влиянии даже, а о примере. Ведь мы можем подать россиянам пример демократии, к тому же в России живет много людей украинского происхождения. Поэтому у России такое желание замолчать перемены на Украине или оболгать их. Вольнолюбивая казацкая традиция Украины отличает нашу страну от России и делает из наших двух стран две разные цивилизации. А Солженицын своими последними заявлениями выступал как тяжелая артиллерия российской Думы и правительства. Даже не верится, что когда-то он восхищался мужеством украинцев в лагерях.
Евгений Сверстюк, украинский писатель, председатель украинского ПЕН-клуба и бывший диссидент, в интервью Gazeta Wyborcza, 2008 год.

Я убежденный противник «панславизма»: это всегда был России замах не по силам. Никогда я не одобрял нашего попечения о судьбе славян западных (жестокая ошибка Александра Первого с присоединением Польши, да и у Чехии далекий от нас путь)… Однако я не могу отнестись без пронзающей горести к искусственному разрубу славянства восточного… Разруб этот произведен беспечным, небрежным махом нашей ново-демократической власти… Сколькие русские с негодованием и ужасом пережили эту безвольную, никак не оспоренную, ни малейше опротестованную, по дряблости нашей тогдашней дипломатии, в 24 часа отдачу Крыма – и предательство его при каждом потом крымском конфликте… Нет, не будем подражать украинским националистам ни в истерических угрозах, ни в ненависти. Не надо никак отвечать на их накаленную «антимоскальскую» пропаганду. Надо переждать ее как вид

душевного заболевания. Не надо с нашей стороны делать пустых угрожающих заявлений – это горячас пища для них. Их отрезвит сам ход Времени, сам своенравный исторический процесс… Когда я сидел с украинскими борцами за независимость в лагере, слова «москаль» не слышали мы от них тогда.
Александр Солженицын, книга «Россия в обвале», 1998.

3.9. Новое усиление России в бывшем СССР – Украина, Киргизия? Провал и ослабление конкурентов или новая «мягкая сила» России?

СЕССИЯ 4. РОССИЯ В ЕВРОПЕ И АЗИИ. НОВЫЙ КОНТЕКСТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ

4.1. Иван Грозный – князь Курбский. Москва – Третий Рим? Оппозиции «славянофилы – западники», «евразийцы – европеисты». Сторонники особого пути, независимого центра силы? Что нового в идеологической борьбе в России?

В 1564 году боярин князь Андрей Курбский, сверстник и любимец царя Ивана, герой казанской и ливонской войны, командуя московскими полками в Ливонии, проиграл там одну битву и, боясь царского гнева за эту неудачу, убежал к польскому королю. При этом он покинул в Дерпте, где был воеводой, жену с малолетним сыном. Курбский принял деятельное участие в польской войне против своего царя и отечества. Но беглый боярин не хотел молча расстаться с Иваном Грозным: с чужбины, из Литвы он написал резко укоризненное, «досадительное» послание Ивану, упрекая его в жестоком обращении с боярами. Царь Иван, сам «словесной мудрости ритор», не хотел остаться в долгу у беглеца и отвечал ему длинным оправдательным посланием, «широковещательным и многошумящим», как назвал его раздраженный Курбский. Переписка завязалась…
Курбский считает нормальным только такой государственный порядок, который основан не на личном усмотрении самовластия, а на участии «синклита», боярского совета в управлении; чтобы вести государственные дела успешно и благочинно, государю необходимо советоваться с боярами, стоит Курбский и за необходимость земского собора…Вся теория Курбского построена на одной мысли – о благотворном действии боярского совета. Но Курбский мечтает о вчерашнем дне, запоздал со своими мечтами. Боярский совет и земский собор были уже к тому времени политическими фактами… Подобно многим инакомыслящим эмигрантам, Курбский борется с прошлым, а не с современной ему российской реальностью.
Василий Ключевский, «Русская история. Полный курс лекций в трех книгах»

Ходорковский на князя Курбского не «тянет». Авторитарный по природе, создавший вертикально интегрированную компанию, придя к власти, Ходор-

ковский наверняка построил бы не менее, а более авторитарную систему, чем нынешняя «вертикаль власти».
Азер Мурсалиев, заместитель главного редактора газеты «Коммерсант».

Когда сегодня Березовский пишет Путину из Лондона письма в стиле князя Курбского, называя российского премьера на «ты», он буквально следует политической традиции этого образчика боярско-княжеской олигархии. Ведь что такое олигархическая либеральная демократия в России? Это ситуация, когда экономикой, финансами и медиа-пространством страны вдруг начинают управлять какие-то странные личности с двойными подбородками и тройными гражданствами. Некоторые из них, как и Курбский, вспоминают о своих благородных российских корнях (вспоминается Борис Йордан), но ни экономике, ни финансам, ни телезрителям от этого не легче.
Борис Кагарлицкий, глава Института проблем глобализации

Возражая Курбскому, царь Иван фактически ссылается на идеи и образы старца Филофея с его теорией Москвы как наследницы Византии и Римской империи, «третьего Рима». Самодержавие для Иоанна не только нормальный, свыше установленный государственный порядок, но и исконный факт нашей истории, идущий из глубины веков… Само слово «царь» на Руси было связано с национальной независимостью. Царями древняя Русь до половины XV века звала византийских императоров и ханов Золотой Орды, наиболее известных ей независимых властителей. Иван Третий, предок Ивана Грозного, смог принять этот титул, только перестав быть данником хана.
Василий Ключевский, «Русская история. Полный курс лекций в трех книгах»

4.2. Есть ли у России новый выбор: экономическая и политическая переориентация на Азию? Или такая переориентация неизбежна?

В нашей стране оживились приверженцы ориентации на Азию (в первую очередь на Китай) и откровенные националисты, прикрывающие комплекс неполноценности в связи с утратой Россией статуса сверхдержавы идеями о том, что она, дескать, самодостаточна и должна оставаться самостоятельным «центром силы» в международных отношениях.
Разумеется, наша страна заинтересована в развитии добрососедских отношений, торговли и взаимовыгодного сотрудничества со всеми соседями. Не очень, правда, понятно, как углубление связей с ЕС помешает ей торговать и с азиатскими партнерами. Речь, однако, не только о торговле и сотрудничестве, а о выборе модели будущего политического и социально-экономического развития страны. Как показал российский опыт, китайская модель – авторитаризм плюс новая экономическая политика (типа ленинского нэпа) – не дает желаемого результата на нашей национальной почве. Кроме того, несбалансированное сближение с КНР чревато тем, что в результате демографической экспансии Россия может фактически потерять Дальний Восток и Сибирь, а также превратиться в сырьевой придаток Китая и в свалку для отходов его растущей экономики.
Надя Арбатова, бывший директор научных программ комитета «Россия в объединенной Европе»

Россия – европейская страна, нравится это самим россиянам и их западным партнерам или нет. Девять десятых населения живут в европейской части страны, вся инфраструктура экспорта нацелена на Европу прежде всего. Изменить эту ситуацию нельзя будет еще много лет. Но в последние годы руководство ЕС и его российские партнеры как будто отказываются видеть этот очевидный факт. Если Брюссель и Москва не откажутся от нынешней никому не выгодной, неуправляемой модели отношений, то рискуют серьезно подорвать собственный престиж и влияние в мире.
Вряд ли будет сильным преувеличением сказать, что сегодня, как и во времена первой и второй мировых войн, Европа, под которой я подразумеваю ЕС, Россию и те страны, которые расположены между ними, рискует спровоцировать собственный крах.
Хиски Хауккала, научный сотрудник Финского института международных отношений.

4.3. Возможна ли реевропеизация России? Если да, то каким путем? Новый договор о евробезопасности? Договор о союзе Европы между Россией и странами ЕС? Просто мирное сожительство? Не ведет ли оно к стагнации?

ЕС является нашим самым крупным экономическим партнером, самым крупным держателем инвестиций, у нас с ним гораздо больше общего и в экономической, и социальной сфере, чем с кем бы то ни было ещё. ЕС – единственная подходящая модель для нашей модернизации. Правительство говорит за нас, что мы не хотим в ЕС. Но я хочу в Европейский Союз, и надо сказать, что эту точку зрения разделяет довольно значительное число моих сограждан. Несмотря на довольно скептическое отношение к Евросоюзу и Европе в целом, около трети россиян считают, что было правильно, если бы Россия присоединилась к Европейскому Союзу.
Анатолий Адамишин, бывший посол в Великобритании, президент Российской Ассоциации евроатлантического сотрудничества

Даже если Москва сделает ставку на Азию, она вряд ли окажется в выигрыше. В экономике Россия не конкурент для Китая или Индии, а в политике ей едва ли предложат больше, чем роль младшего партнера. В Европе же ей уготована роль одного из ведущих игроков – конечно, если будут приняты все условия игры. В свете сказанного ясно, что лишь в составе Большой Европы Россия сможет сохранить влияние в мире на ближайшие десятилетия.
Хиски Хауккала, научный сотрудник Финского института международных отношений

4.4. Есть ли у Европы и России сейчас силы и возможности идти на новое сближение? Несмотря на его очевидную необходимость в условиях ослабления обеих частей Европы относительно США и Китая?

Сейчас у нас появился дополнительный стимул для более тесного отношения с Евросоюзом. Кризисные проблемы в России и ЕС легче решать в формате G2, а не G20.Что для этого требуется? Пункт первый — отказаться от снобистского отношения к Европе. Пункт второй — решительно вернуться на рельсы экономической интеграции с Европой. Причем нам необязательно фиксировать нашу принадлежность к Европейскому Союзу, мы можем выбрать то, что называется «швейцарский вариант», — секторальные соглашения. Там, где это выгодно Швейцарии, она заключает соглашения с Европейским Союзом и следует правилам Европейского Союза.
Анатолий Адамишин, бывший посол в Великобритании, президент Российской Ассоциации евроатлантического сотрудничества

Мы присутствуем при рождении новых мировых гигантов, центр тяжести перемещается в Азию, оставляя Европу не у дел. Впечатляющая иллюстрация этого – недавнее исследование глобального баланса сил: в ближайшие пятьдесят лет очевидным станет безнадежное отставание Евросоюза от Китая и Америки. Россия как самостоятельный игрок в этом исследовании даже не упоминается, и лишь Большая Европа, которая включала бы в себя Европейский союз, Россию и, возможно, Турцию, могла бы иметь шансы к середине XXI столетия.
Хиски Хауккала, научный сотрудник Финского института международных отношений

4.5. Каковы должны быть отношения с США? С Китаем? С другой Азией?

4.6. Какими они реалистически могут быть?

СЕССИЯ 5. РОССИЯ В МИРЕ: МОЖЕТ ЛИ ОНА СТАТЬ ТАКОЙ, КАКОЙ ЕЕ ХОЧЕТ ВИДЕТЬ МИР? КАКОЙ ОНА ХОЧЕТ ВИДЕТЬ СЕБЯ?

5.1. Можно ли идти в XXI век, не расставшись с проклятым для России XX веком? И не усыпав страну памятниками жертвам российского XX века?

«Преодоление» тоталитаристского прошлого — это задача, которая теоретически стоит перед всеми народами с подобным опытом, хотя на практике, как мы видим, принимается к сведению далеко не всеми.
Один из уроков, который мы извлекаем из анализа тоталитарных безумств, состоит в том, что безумством становится всякая система рассуждений, когда она становится некритичной по отношению к себе. Для любого вида критицизма дело чести — трезвый взгляд на себя. Необходимо отметить, что сам по себе императив «преодоления» своего прошлого, то есть систематической критики поведения не тех или иных предводителей нации, но

нации в целом, и притом в ее собственном самосознании, является вполне новым явлением, для которого нет аналогий во всей человеческой истории. Когда Карл Ясперс выступил в 1946 году со своим знаменитым трудом «Die Schuldfrage», он формулировал задачу, до сих пор никогда не обсуждавшуюся. Я имею в виду, конечно, не специальный казус Германии, но саму логическую структуру вопроса о различных ступенях коллективной вины.
Сергей Аверинцев, русский философ и культуролог

5.2. Или отказ от Сталина и Ленина означает отказ от 70 лет своей истории, от части самих себя, от части своей идентичности? Покаяться за двадцатый век? Как можно воссоздать свою идентичность? Вернуться в великолепный для России девятнадцатый век?

По мере того, как тает популярность либеральных идей, основанных на критике сталинизма, меняется отношение к Сталину и созданному им режиму. Еще недавно кустарной просталинской литературой торговали разве что бабульки у бывшего Музея Ленина. Сегодня на полках больших магазинов теснятся роскошно изданные тома, где дословно повторяются давно забытые дифирамбы Сталину и проклятия в адрес его врагов.
Это говорит не только о сдвигах в общественном сознании, но и о том, что личность «вождя народов» остается болевой точкой этого сознания. На заре эпохи гласности выходило немало книг, в названии которых упоминался «суд истории». Многие и сейчас наивно представляют историю чем-то вроде Страшного суда, призванного навечно отделить грешников от праведников. Спрос рождает предложение: авторы работ о Сталине и его времени неизменно наклеивают на своего героя ярлык «хорошего» или «плохого», старательно искажая факты в угоду тенденции. Но прежде чем доверять такому суду, читателям не мешает взглянуть — «а судьи кто?» Иными словами, внимательнее рассмотреть, кто пишет сегодня о Сталине, каких целей эти авторы добиваются и какие способы для этого применяют.
Вадим Эрлихман, кандидат исторических наук

Когда Карл Ясперс выступил в 1946 году со своим знаменитым трудом «Die Schuldfrage», он формулировал задачу, до сих пор никогда не обсуждавшуюся. Я имею в виду, конечно, не специальный казус Германии, но саму логическую структуру вопроса о различных ступенях коллективной вины.
Идея, согласно которой исполнитель военного приказа (такого, который не относится непосредственно к делу палача в узком смысле) все равно виновен перед человечеством и собой, если вердикт мирового общественного мнения и его совесть не признают эту войну справедливой, чужда предыдущим векам. «Узурпатор» Наполеон мог быть виновным — и с точки зрения традиционного монархизма, и с более либеральной точки зрения — как поработитель народов. Тем не менее уголовного наказания и даже подлинного морального осуждения он не испытал.
Сергей Аверинцев, русский философ и культуролог

В предшествующих XX съезду КПСС острых дискуссиях по поводу репрессий высшее партийно-государственное руководство выработало далекую от истины, но весьма удобную для публичного оглашения позицию. Она звучала так: ближайшие соратники Сталина вплоть до смерти вождя не представляли подлинных целей, масштабов, методов и механизма репрессий, и лишь специальное исследование, предпринятое комиссией Поспелова, открыло всем глаза. Вряд ли это соответствовало действительности. Документы свидетельствуют, что примерные цифры, характеризующие масштабы репрессий, были доложены Георгию Маленкову и Никите Хрущеву еще в конце 1953 года. О самих же фактах репрессий – не зная, может быть, статистики – они знали в течение десятилетий. Другие документы показывают – многие рядовые граждане знали о репрессиях и во время самих репрессий. Могли если не предотвратить несправедливость, то помочь жертвам, смягчить их страдания. Но не сделали этого.
Андрей Артизов, кандидат исторических наук

5.3. Может ли Россия оставить XX век позади, если его не хотят оставить соседи, твердящие о русской угрозе, призывающие к расширению и укреплению НАТО?

Москва надеялась, что ее согласие на «эмансипацию» стран – бывших членов Варшавского договора является платой за входной билет в процесс европейской интеграции. На этой посылке строилась внешняя политика министра иностранных дел Андрея Козырева, рассчитывавшего на весомые плоды от «стратегического партнерства» с Западом вплоть до своей отставки в 1996 году. Беда была, однако, не только в том, что западные страны никак не отблагодарили и не считали нужным благодарить Россию за ее уступки в начале девяностых. Сами россияне, включая политические, военные и дипломатические элиты, не узнавали себя с том видении России и ее места в мире, которое предлагал Андрей Козырев.
Isabelle Facon, "Russie. Les chemins de la puissance," 2010, Paris. (Исабель Факон, «Россия. Пути державы», 2010 год, Париж)

Когда говорят о необходимости покаяния, то подразумевают активность именно субъекта – того, кто кается. Но при этом упускается из виду необходимость встречной активности объекта — того, пред кем каются. У немцев был в их послевоенной истории благодарный объект покаяния. Их признание вины с пониманием принималось в той части мира, в которой оказалась ФРГ, – в западных странах. Определенные проблемы до какого-то времени были с Израилем, но и они постепенно снялись. Извинения были приняты, новое поколение немцев больше не делали ответственным за события 1933–1945 гг. Обвинения, которые сыпались на немцев с востока (например, в реваншизме или в преступной мягкости к нацистским преступникам) звучали фальшиво, поскольку делались явно под давлением властей. Поэтому они всерьез не принимались, да и вообще вряд ли становились предметом общественной озабоченности. С падением СССР и его блока и эти обвинения прекратились.

У России, сделавшей робкие шаги к покаянию в конце восьмидесятых – начале девяностых годов, объект покаяния оказался очень «трудный». Восточноевропейские страны, включая бывшие советские республики, оказались не готовы достойно принять извинения. Каждая уступка, каждое признание, за исключением недавнего катынского «поеднания» с поляками, становились причиной для новых обвинений. Парламенты прибалтийских стран рассматривали даже такой вариант, как взыскание с России финансовых компенсаций за преступления советского режима. Все это усложняет процесс покаяния и примирения.
Александр Шевырев, доцент истфака МГУ

5.4. Чьи стереотипы сильнее: российские в отношении Запада или западные в отношении России? Каковы они?

Москва всегда считала и считает, что Европа ее отвергает, относится к ней несправедливо. Москву такое отношение оскорбляет, лидеры России в официальных документах называют свою страну «самой крупной европейской державой». Но в то же время сама Москва отказывается отказывается от интеграции в те самые структуры, которые и структурируют европейское пространство, делают Европу тем, что она есть. Русские сами отказываются от сближения с НАТО и ЕС, отмечая, что их страна – «евразийская», что членство в НАТО или ЕС или даже сближение с ними могут повредить интересам России в Азии. 12 февраля 2008 года Путин, еще будучи президентом России, отметил, что у России никогда не было желания вступить в НАТО, так как это «ограничило бы наш суверенитет».
Isabelle Facon, "Russie. Les chemins de la puissance," 2010, Paris. (Исабель Факон, «Россия. Пути державы», 2010 год, Париж)

В XX веке Россия и Германия в разное время оказывались на грани исключения из сообщества «приличных» стран, что наложило своеобразный отпечаток на существо их социальной доктрины и национальной идеологии.
На фоне торжествующего — в глобальном масштабе — либерализма германские историки воспитали в себе несколько мазохистско-эксги-бициoнистскую политическую корректность при описании прошлого своей страны. Они, не стесняясь, презентуют анамнез нацизма, уверяя весь мир, что удаление язвы гитлеризма доставило им несомненное удовольствие. В сходной позиции оказались на излете века и историки российские: пришло время объяснить мировому сообществу, когда и каким образом в нашей стране оказался возможен коммунизм, выразить благодарность всем, кто помог нам от этой непристойности избавиться и убедить приличные страны в том, что «мы так больше не будем»… Это унижение «паче гордости» чревато утратой в обществе интереса к изучению обстоятельств прошлого. Зачем изучать заклейменный труп?
Дмитрий Люкшин, доктор исторических наук.

5.5 Может ли Европа до конца преодолеть свои исторические комплексы? Или «новые европейцы» будут тянуть назад? Или новые европейцы тоже изменятся? Куда? Когда?

Мы, поляки, имеем в отношении своего прошлого сильный комплекс. В течение десятилетий и даже столетий мы изображаем себя в роли безвинных благородных жертв. В долговременной перспективе это ведет к безответственности – зачем что-то делать, если тебя все равно обидят и, такого благородного и интеллигентного, унизят? Но у нас есть и хорошие черты – мы любим красивые жесты, помним не только плохое, но и хорошее. Вот этот потенциал взаимопонимания я и советовал бы использовать России.
Wawrzyniec Smoczynski, Polityka magazine, Warsaw (Вавжинец Смочинский, журнал «Политика», Варшава)

5.6. Что нужно делать для преодоления наследия XX века? Шаги по примирению (Катынь)? Договор по евробезопасности? Новый Союз Европы? Россия в НАТО?

И история, и опыт прошлого, и реальные возможности сегодняшнего (да и завтрашнего, и послезавтрашнего) дня толкают Россию в одном направлении, не имеющем рациональных, разумных и морально обоснованных альтернатив. Это направление - спокойный, базирующийся на национальных интересах поиск конструктивного взаимодействия с Европой и всем евроатлантическим сообществом. Чрезвычайно важную роль в этом взаимодействии должна сыграть борьба против международного терроризма, совершенно по-новому развертывающаяся после трагедии 11 сентября в США. Дело, видимо, идет к тому, что складывающийся ныне «союз по факту» вполне может в обозримом будущем превратиться в «договорной союз».
В случае же разногласий с ЕС и США, которые вероятны, а порой и неизбежны, голос России в лучших традициях евроатлантической политической культуры должен приниматься как голос меньшинства, которое во многих случаях, как показывает опыт истории, в конечном счете оказывается более правым, чем мнение большинства.
Из книги «Россия в евроатлантическом контексте», подготовленной сотрудниками Института Европы и Института США и Канады РАН